

источникомъ наслажденія и удивленія для несчастнаго существа, которое, въ продолженіе шести-лѣтняго пребыванія въ школѣ тетки, испытало только одни оскорбленія, жестокости и лишенія. Куда бы она только ни оглянулась въ своей новой сферѣ дѣйствія, вездѣ она видѣла добрыя лица и слышала ласковыя слова. За обѣдомъ, подаваемыя кушанья представляли такой образецъ кулинарнаго искусства, о какомъ она никогда и не слыхивала. Когда она гуляла со своей ученицей, то онѣ могли ходить куда имъ вздумается и сколько вздумается, лишь бы только не опаздывать къ обѣду. Дышать чудеснымъ воздухомъ, глядѣть на красивыя виды, было такъ весело и пріятно, по собственному сознанію Сидни, что она сіяла удовольствіемъ. Она бѣгала на перегонки съ Китти, и никто ее за это не бранилъ. Когда она отдыхала, выбившись изъ силъ, то ничей безжалостный голосъ не кричалъ: „будетъ лѣтнійничать, иди заниматься“.—Она собирала полевые цвѣты, какихъ до сихъ поръ никогда не видывала, и никто не считалъ этого преступленіемъ. Китти говорила ей названія цвѣтовъ и лѣтнихъ наскѣкомыхъ и такъ радовалась и гордилась, что и ей тоже приходится чему-нибудь учить свою гувернантку, что принималась пѣть и, уставши, приставала къ Сидни:—„пойте теперь вы“.—Увы, бѣдная Сидни не пѣла съ тѣхъ самыхъ счастливыхъ дней дѣтства, когда отецъ рассказывалъ ей волшебныя сказки и училъ ее пѣть пѣсни. Она всѣ ихъ давно позабыла.—„Я не могу пѣть Китти, не могу“.—Ученица, услыхавъ это печальное признаніе, снова превратилась въ гувернантку: — Повторяйте за мной слова, Сидъ, и голосъ.

Онѣ такъ громко смѣялись во время этого урока пѣнія, что эхо передразнивало ихъ и тоже смѣялось. Заглянувъ въ классную комнату, мистриссъ Линлей увидѣла, что и ученіе не было позабыто. Уроки шли своимъ чередомъ, безъ всякой помѣхи или затрудненій. Китти была неспособна разочаровать своего друга или товарища игръ, который облегчалъ ученіе улыбкой или поцѣлуемъ. Равновѣсіе авторитета отлично регулировалось въ жизни этихъ двухъ простыхъ существъ. Въ классной комнатѣ гувернантка учила ребенка, внѣ классной комнаты—ребенокъ училъ гувернантку. Раздѣленіе труда—вотъ принципъ, который торжествовалъ въ Моунтъ-Морвенѣ, хотя никто этого не подозрѣвалъ. Но по мѣрѣ того какъ проходили недѣли, одно замѣчательное обстоятельство проявилось съ такою очевидностью, что его всѣ замѣтили въ домѣ. Жалкая Сидни Уэстерфильдъ, которую всѣ жалѣли, мало-по-малу превратилась въ хорошенькую дѣвушку, которую всѣ восхищались.—То была не простая перемѣна, а